

The “Danube” Factor of Social and Political Modernization of the Russian Empire (XIX - early XX cen.)

Irina Verkhovtseva¹

Abstract: Stay in the interests of Danubian principalities of Russia in the XIXth century, as well as integration into the imperial space in the 1812 – 1856 and 1878 – 1917 Bessarabia region (since 1873 – the province) may help to teach the representatives of the Russian establishment with the traditions of local self-government in these regions of Europe and to further develop the strategy for reforming local governance in the Romanov empire on the principles of all estates. By analyzing this information, the author comes to the conclusion that "the Danube" factor of social and political modernization of Russia in the XIX – early XX cen.

Keywords: Danubian principalities; Russia in the 19th century; social and political modernization

Изучение специфики модернизации традиционных социумов Европы XIX – начала XX веков способствует пониманию многих проблем, связанных с становлением демократических институтов в постсоциалистических странах, входивших в указанный период в состав империи Романовых (к числу таких относятся современные Россия, Украина, Молдова, Беларусь, Польша и другие). Важным в этом контексте видится выявление факторов, повлиявших на выработку стратегии социально-политического обновления страны представителями российского имперского истеблишмента XIX – начала XX в.

Несколько столетий, начиная с Ивана Грозного, заложившего основы имперской политики России, эта полиэтническая по составу населения держава, «втягивая» в себя новые земли, не только увеличивалась в границах: в ходе освоения пространств правящая элита знакомилась с традициями местного управления в присоединенных регионах, что, в свою очередь, мотивировало саму элиту на поиск путей интеграции таких областей в имперскую социально-политическую систему, унификацию способов управления огромной державой, без чего не возможны были эффективное администрирование, реализация фискальных задач, обеспечение социальной

---

¹ PhD, Izmail State Liberal Arts University, Ukraine, Address: 12, Repin St., Izmail, Odesa oblast, Ukraine, 68600, Tel: +380930455577, Corresponding author: imail_box@mail.ru.

стабильности, сохранение позиций страны на мировой арене (Kappeler, 2005, p. 23, 82). Решая столь важные задачи, активно заимствовали европейский опыт организации местного управления Петр I и его последователи, на рубеже XVIII – XIX в. в этом русле действовал Павел I, продолжал такую линию и его сын Александр I. Последний, воспитанный в либеральном духе швейцарцем Лагарпом и мечтавший в юные годы о будущей России, как о стране «вольных хлебопашцев», став императором, всячески поощряет генерирование представителями правящей элиты новаторских идей, разработку проектов дальнейшей модернизации страны, в частности – реформирования местного управления в направлении его рационализации, изучения мирового опыта в этом аспекте (Semennikova, 2005, pp. 240, 250-251; Hristoforov, 2011, pp. 7-11). Вехами на этом пути стали активная реформаторская деятельность М.Сперанского, новации в имперском образовательном пространстве. Особые усилия просвещенные бюрократы начала XIX в. направили на выработку стратегии реформирования села, где проживало 9/10 населения страны – крестьяне, результаты труда которых составляли львиную долю наполнений государственной казны. Исследователи утверждают: доминирующими при выработке планов дальнейшей модернизации империи Романовых были принципы гуманности; объединяло реформаторов и понимание того, что обновление аграрного строя должно происходить в контексте социально-политического реформирования России в целом (Dolgih, 2013, p. 5; Ruhzitzkaya, 2013, p. 13).

При Николае I закладывались абрисы проектов Великих реформ 1860-1870-х гг., в ходе которых собственно и развернулась масштабная социально-политическая модернизация России. В 1830-1840-е гг. активизация этих процессов связывалась с именами П. Киселева, А. Заблоцкого-Десятовского, братьев Милютиных, К. Кавелина, В. Берви (Флеровского) и других. Тогда же в России появились первые учебные заведения правового профиля. Их выпускники, изучив мировой опыт государственного устройства, в скором времени присоединились к дискуссиям о перспективах развития своей страны. Популярными среди молодых реформаторов были идеи легизма, истоки которых лежали на Востоке, в Древнем Китае. Исторический опыт легистов привлекал акцентом на верховенстве закона и ведущей роли государства в общественных преобразованиях. Увлекались будущие «отцы» реформ и идеями западных реформаторов, в частности – Алексиса де Токвиля, противопоставлявшего государственную автократию и местное самоуправление. Следует отметить, что интеллектуальные контакты между представителями российского истеблишмента и западными учеными были двусторонними, поскольку правовая мысль Европы в этот период также активно разрабатывала проблемы обновления государственного устройства в условиях падения абсолютистских режимов. Западные мыслители интересовались опытом модернизации традиционных обществ у разных

народов, в частности, некоторые из них изучали русскую крестьянскую общину - «мир». В 1847 г. с этой целью Россию посетил немец А.Ф. Гакстгаузен. Он считал, что опыт социального сосуществования общинников может пригодиться при обновлении социальных отношений на его родине. Таким образом, выработка правящей элитой России первой половины XIX в. стратегии социального и политического реформирования империи происходила в режиме активных интеллектуальных заимствований, изучения практического опыта разных стран, регионов (Dunaeva, 2010, p. 204; Verkhovtseva, (2015), p. 103-104).

Существенную роль в этом процессе суждено было сыграть тем из них, что располагались на берегах Дуная. В начале XIX в. длительная борьба России за Причерноморье и выход к черноморско-средиземноморским проливам увенчалась включением в ее состав области между реками Прут, Днестр, Дунай в результате победы над Турцией в войне 1806-1812 гг. На новоприсоединенный край распространили историческое название области, лежащей в низовьях Днестра и Дуная – «Бессарабия». Как и другие части огромного дунайского бассейна, например, Дунайские княжества (Валахия и Молдавия), территория Бессарабии отличалась особым социальным и этническим составом ее жителей: здесь были такие категории населения, каких не знали другие европейские страны и регионы, в том числе, Россия (мазылы, рупташи, резеши, бояринаши и другие), а чрезвычайное этническое разнообразие местных жителей выделяло эту территорию даже в сравнении с «лоскутной» Австрией. Безусловно, в немалой степени такие характеристики Бессарабии были обусловлены ее географическим расположением: важная транспортная и коммуникационная артерия Европы – река Дунай способствовала активным миграциям представителей разнообразнейших этнических культур, социальных категорий в этой части Причерноморья. Оказавшись в орбите российского влияния, край со всем его своеобразием, потребовал особых усилий управленцев в обустройстве местной жизни, что не могло не оказать влияния на взгляды ведущих представителей имперского истеблишмента и выработку стратегии дальнейшего развития державы Романовых, ведь и сама эта держава формировалась как полиэтничное образование. Особого внимания в деле освоения нового региона требовали задачи, связанные с выполнением фискальных функций. В 1824 г. в рапорте Бессарабского вице-губернатора генерал-губернатору отмечалось: «по вступлении в должность я не нашел в бессарабских... селениях никакого устройства», «беспорядок... существующий», ведет «ко вреду и казны, и поселян». Важной была и задача предотвращения разгорания в приграничной области очагов социальной напряженности, которые легко могли вспыхнуть в местностях, где статус социальных групп не был четко определен законом, а местные жители представляли собой конгломерат из представителей

разнообразнейших культур и традиций (Kushko, 2002, p. 151; Verkhovtseva, 2013, p. 45).

В конце 1820-х – начале 1830-х гг. обязанности наместника Молдавии и Валахии исполнял граф П.Д. Киселев. В качестве флигель-адъютанта он инспектировал и Бессарабию. В поездках по южным регионам формируются его представления об устройстве местного управления в южных провинциях империи, проекты будущих социальных реформ в России, получившие более определенные очертания позднее, по перемещении в 1837 г. П.Киселева на должность главы министерства государственных имуществ (этот пост он занимал до 1856 г.). Будучи единомышленником М. Сперанского, В.Киселев изучил опыт реформирования местного управления в Дунайских княжествах Австрией и Пруссией, а в конце 1830-х гг. приступил к разработке реформы управления государственными крестьянами в России. В самой Бессарабии к началу 30-х гг. XIX в. власть встала на путь применения такого метода решения управленческих задач, как введение самоуправления в местных общинах царан. В 1834 г. вводится в действие «Положение о царанах или свободных земледельцах Бессарабской области». В основу и этой, и упомянутой реформы государственных крестьян были положены принципы самоуправления, а также идеи ведущей роли государства в реформировании социально-политической системы страны, «мягкого», поступательного пути внедрения социальных новаций, ориентированного на модернизацию социальной сферы с опорой на местные традиции общественной жизни (Verkhovtseva, 2013, p. 45; Verkhovtseva, 2014, p. 256). Современная исследовательница Н. Дунаева отмечает, что позже, при выработке основ Великой крестьянской реформы 1861 г., позиции П. Киселева способствовали победе споривших с западниками славянофилов – горячих защитников крестьянского «мира» с его вековыми традициями самоуправления, взаимопомощи. Да и сама киселевская реформа государственных крестьян, базовые принципы которой легли в основу организации крестьянского самоуправления в 1861 г., стала весомым фактором в деле преобразования аграрного строя в России (Dunaeva, 2010, pp. 203-207). Безусловно, немалое влияние на это оказал практический опыт деятельности графа П. Д. Киселева в качестве наместника Дунайских княжеств, с которым, вероятно, следует связывать и пресловутый «пруссский», поступательный путь буржуазного реформирования аграрного сектора Российской империи, одним из поводов к чему, безусловно, стало стремление предотвратить социальные конфликты и сохранить ведущую роль государства в модернизационных процессах в условиях этнического и социального многообразия населения регионов.

Влияние на проектирование Великих реформ 1860-1870-х гг. взглядов П.Киселева, выработанных в период его практической деятельности в качестве управленца в дунайских регионах, свидетельствовало, на наш взгляд, о существовании «дунайского» фактора модернизации России в

середине XIX в. На рубеже XIX – XX веков в несколько иных социально-политических условиях этот фактор вновь окажет определенное воздействие на взгляды представителей российского истеблишмента в отношении обновления социальной системы и управления регионами в империи Романовых.

В конце 1870-х гг., после победы над османами в войне 1877-1878 гг., Россия вернула утраченную в 1856 г. Измаильщину – южную часть Бессарабии. К этому времени Румынией здесь были проведены реформы коммунального управления 1864-1874 гг., в соответствии с которыми население уезда входило в состав громад-коммун, объединявших в сельской местности жителей одного или нескольких селений. Каждый житель края должен был быть приписанным к определенной коммуне и платить соответствующие налоги. Коммуны были самостоятельными юридически, формально – учреждениями сословного характера. Российская власть не решилась на слом этой системы управления краем, поскольку в условиях его культурного многообразия и специфических хозяйственных традиций необходимо было обеспечить решение извечных задач фискального характера, социальную стабильность в приграничной области (Verkhovtseva, 2013, pp. 47-48). К началу XX в. сама Россия вступила в эпоху протекционизма и своеобразного ренессанса сословно-корпоративных традиций: так называемыми «контрреформами» конца 1880-х – 1890-х годов возрождалось дворянское попечительство над крестьянством, усиливалась сословная обособленность последних, в частности, был принят ряд мер, предотвращавших распад общинного землевладения. На этом фоне сословное коммунальное самоуправление и индивидуальные способы хозяйствования на Измаильщине контрастировали с имперскими тенденциями*. Не удивительно, что взгляды представителей российского истеблишмента, «исповедовавших» либеральные принципы социального устройства, были прикованы к коммунальному юга Бессарабии: организация коммунального самоуправления в этом крае рассматривалась в определенной мере в качестве образца, в соответствии с которым, по мнению либералов, можно было реорганизовать крестьянское и земское самоуправление в России. В последующем, в период премьерства П.Столыпина, хотя и не увенчавшиеся успехом, попытки ввести в России «мелкую земскую единицу» на принципах самоуправления и сословности не в последнюю очередь были связаны с изучением российскими либералами того социального опыта, который предоставили измаильские коммуны с берегов Дуная (Gessen, 1902, pp. 181-183).

Таким образом, на наш взгляд, имеется достаточно оснований при изучении социально-политической модернизации России в XIX – начале XX в. учитывать так называемый «дунайский» фактор этого процесса. С ним следует, по нашему мнению, связывать идеи «мягкого», поступательного внедрения социальных и управленческих новаций в регионах с

разнообразным этническим составом населения при ведущей роли государства, опоре на законодательные инициативы и местные традиции общественной жизни. Подобное представляется немаловажным и в современных условиях совершенствования демократических институтов, системы самоуправления в странах, преодолевающих авторитарные тенденции организации управления.

References

- Dolgih, A. (2013). Российское дворянство и крестьянский вопрос: 1796-1825 гг./ The Russian nobility and the peasant question: 1796-1825; Rossijskoe dvoryanstvo I krest'anskij vopros: pp. 1796-1825 gg. *Gosudarstvennaya vlast' I krest'anstvo v XIX – nachale XX veka*. Kolomna.
- Dunaeva, N. (2010). Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи. Монография/ Between class and civil liberties: the evolution of the legal personality of free rural inhabitants of the Russian Empire. Monograph. *Mehzdu soslovnoj I grahdanskoj svobodoj: evol'utziya pravosubyejtnosti sel'skih obyvatelej Rossijskoj imperii*. Monograph. St. Peterburg.
- Gessen, I. (1902). Сельская коммуна в Измаильском уезде Бессарабской губернии/Rural municipality in Izmail district of Bessarabia province. *Melkaya zemskaya edinitza*. St. Peterburg.
- Hristoforov, I. (2011). Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830-1890-е гг.)/ The fate of the reform: the Russian peasantry in government policy before and after the abolition of serfdom (1830-1890)/Sud'ba reformy: Russkoe krest'anstvo v Pravitel'stvennoj politike do I posle otmeny krepostnogo prava (1830-1890-e gg.). Monograph. Moskva.
- Kappeler, A. (2005). Росія як поліетнічна імперія: Виникнення. Історія. Розпад/ Russia as polyethnic empire: Appearance. History. decay /Rossiya yak polietnichnaya imperiya: Vynykenn'a. Istorija. Rozpad. L'viv.
- Kushko, A., Taki, V. (2002). Бессарабия в составе Российской империи (1812-1917)/ Bessarabia in the Russian Empire (1812-1917)/Bessarabiya v sostave Rossijskoj imperii. Moskva.
- Semennikova, L. (2005). Россия в мировом сообществе цивилизаций/ Russia in the world community of civilizations /Rossiya v mirovom soobshchestve tzivilizatziy. Moskva.
- Verkhovtseva, I. (2013). Крестьянское самоуправление в Украинском Придунавье (вторая половина XIX – начало XX в.): социокультурные аспекты/Peasant self-government in the Ukrainian Danube region (end of XIX - early XX century.): social and cultural aspects. *Journal of Danubian Studies and Research*. Galati.
- Verkhovtseva, I. (2014). «Волосні суди у нас усюди не вдалися»: селянське правосуддя в Росії пореформеної доби/County courts everywhere we failed": the peasant justice in the post-reform era «Volosni sudy u nas us'udy ne vdalys'a»: selyans'ke pravosuddya v Rossii poreformennoj doby. *Gurzhiyivs'ki istorychni chytann'a*. Vyp. 7. Cherkassy.
- Verkhovtseva, I. (2015). Селянське самоврядування та «мир»: до питання модернізації аграрного ладу в Російській імперії (друга половина XIX – початок XX ст.)/ Peasant government and "peace": to the modernization of the agricultural system in the Russian Empire (second half of XIX - early XX century.) /Sel'anske samovr'aduvann'a ta «myr»: do pytann'a modernizatziy agrarnogo

ladu v Rossijskij imperiyi (druga polovyna XIX - nachalo XX v.). *Suchasni sotzial'no-gumanitarni diskursy. Materialy V vseukrayinskoyi naukovoji konferentzii. Vol. 5. Dnipropetrovs'k.*

Ruhzitzkaya, I. (2013). Крестьянский вопрос в Государственном Совете в первой половине XIX в./ The peasant question in the State Council in the first half of the nineteenth century. *Krestjanskij vopros v Gosudarstvennom Sovete v pervoj polovine XIX v. Gosudarstvennaya vlast' I krest'anstvo v XIX – nachale XX veka. Kolomna.*

*** Российский государственный исторический архив, ф. 1291, оп. 50, дело 26, стр. 4/ Russian State Historical Archive, f. 1291, op. 50, the case 26 Page. 4/Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskiy arkhiv, f. 1291, op. 50, file 26, p. 4.